Н. В. Берг

Записки об осаде Севастополя

1855

• КУЧКОВО ПОЛЕ •

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

Николай Васильевич Берг
Записки об осаде Севастополя
Серия «Военные мемуары (Кучково поле)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19033540
Записки об осаде Севастополя. / Берг, Николай Васильевич: Кучково поле; Москва; 2016
ISBN 978-5-9950-0584-1

Аннотация

Николай Васильевич Берг (1823–1884) – писатель, поэт и переводчик, автор знаменитых «Записок о польских заговорах и восстаниях 1831–1862 годов», был очевидцем осады Севастополя во время Крымской войны, что и нашло отражение в данных мемуарах. По словам самого автора, «Записки…» – это не история осады города, а «мемуары частного лица», полные ценных подробностей о повседневном быте защитников города, о ходе военных действий, в которых он сам принимал участие, о состоянии послевоенного Севастополя и мн. др.

В издании также опубликованы рисунки Н. В. Берга, собранные им в не переиздававшийся до сих пор «Севастопольский альбом» – один из немногих изобразительных

источников времен Крымской войны, позволяющий воочию увидеть описываемые автором события.

«Записки об осаде Севастополя» дополнят картину событий эпохи Крымской войны и заинтересуют всех увлекающихся отечественной военной историей.

Содержание

Предисловие 7
Записки об осаде Севастополя 10
Глава I 10
Севастополь в феврале 1855 года1 10
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Николай Васильевич Берг
Записки об осаде Севастополя

Печатается по изданию:
Берг Н. В. Записки об осаде Севастополя. В 2 т. М., 1858

ЗАПИСКИ

ОБЪ ОСАДѢ

СЕВАСТОПОЛЯ

Н. БЕРГА.

Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

МОСКВА.

Въ Типографіи Каткова и К°.

1858.

В тексте использованы иллюстрации издания:
Берг Н. В. Севастопольский альбом. М., 1858

Предисловие

Во время службы моей в Крыму, при Главном штабе Южной армии, я вел записки ежедневным событиям, случаям и встречам, которым был свидетель и о которых слышал. Эти записки сгорели у меня на фрегате «Коварна» 26 августа 1855 года. Переехав в лагерь на Инкермане, я записал немедля все, что мог припомнить. Впоследствии, в Бахчисарае, в Одессе и, наконец, в Петербурге, при столкновении с разными лицами, я проверил, дополнил и исправил записанное и теперь решаюсь издать в свет, прибавив к этому кое-что из напечатанного мною прежде о том же предмете.

Издаваемые записки – вовсе не история осады: это просто мемуары частного лица, изложение, по возможности, «всего» случившегося в Севастополе в то время, когда я находился там на службе. Тут читатель увидит и жизнь базара, и Маленький бульвар, и Библиотеку; все это перемешано с обыкновенными явлениями севастопольской жизни: бомбами, похоронами, битвами. Я старался не пропускать решительно ничего, ибо все, что мы видели, все наши мелкие происшествия не были похожи на такие же происшествия других городов, а носили на себе особенный, осадный «севастопольский» характер. Все это выработалось в воздухе Севастополя, и, мне кажется, описание его без этих аксессуаров было бы не полно.

Что до военных действий – я выставил самые любопытные и яркие, которых гром долетел до вас еще прежде. При описании их я имел в виду, где это было можно, сосредоточить внимание читателей около первых лиц, дабы знать все предварительные распоряжения и смотреть из центра. Я старался уяснить для незнакомых с военным делом и не видавших бомб, батарей и осады все, что издали кажется не так приятным. В рассказах моих я употреблял самый простой язык, держась «народных» севастопольских названий, а иногда оставляя даже выражения рассказчиков-очевидцев, дабы их языком живее представить, «как показалось» в известную минуту и в известном месте то, о чем идет дело. Такие выражения у меня отточены или напечатаны курсивом.

Кроме личного наблюдения и сообщенного очевидцами, коих считаю главным и лучшим источником, я пользовался некоторыми изданными у нас и у французов книгами по этому предмету. В описании действия союзников руководствовался преимущественно Базанкуром, который жил пять месяцев при Главном штабе Восточной армии для ведения исторических записок и которому были доступны многие официальные документы.

Все собранное мною таким образом я оставил без всяких исключений, хотя через это один пункт вышел ярче, а другой только очеркнут. При моих небольших средствах не было никакой возможности привести все к одному знаменателю и уравнять все тоны, особенности и подробности. Пусть

иное перетягивает: может статься, кто-нибудь другой дополнит именно то, чего у меня нет, а я, может быть, напал на такие следы, на которые не случится напасть другому. Мы, конечно, только вкладчики будущего, но также должно помнить и то, что для составления в будущем полной и верной истории настоящих событий необходимы «наши» отрывочные труды, «наше» слово. Кто знает: может быть, если вы не скажете «вашего» слова, его уже никто не скажет, и в этом месте останется навсегда пустая страница. И потому должно записывать все, что знаешь, откинув всякую робость и не боясь, что напишешь мало. В заключение прошу покорнейше господ участников и свидетелей всего изложенного, у кого найдется свободная минута, сказать мне откровенно, что покажется им неверным, исправить иную цифру, внести пропущенное имя, адресуя свои замечания в редакцию журнала «Библиотека для чтения».

Записки об осаде Севастополя

Глава I

Севастополь в феврале 1855 года[1]

Дорога из Кишинева в Севастополь. – Приезд. – Первые бомбы. – Северная сторона. – Александр Иванович. – Ночная схватка на новом редуте. – Толки. – Переезд на Южную сторону. – Знакомство с городом. – Опять Северная сторона. – Госпитальные бараки и ампутации. – Посещение бастионов. – Нахимов. – 4-й бастион и мины. – Корабль и пароход. – Греки-волонтеры. – Ракета. Малахов курган. – Новый редут. – Отъезд. – Чатырдаг. – Бахчисарай. – Дворец хана. – Фонтан слез. – Дорожные приключения. – Кишинев

Не могу не сказать несколько слов о самой дороге в Севастополь. На всякой дороге не без приключения. Я выехал из Кишинева с одним гусарским офицером 5 февраля, ни Одессы, ни моря! Серые однообразные здания из местного бута, который заменяет там кирпич, тянулись направо и налево. Мы ехали каким-то болотом, а не мостовой. Вот и Одес-

са! Огромные здания, начавшие вырастать одно за другим, показали нам, что мы уже в городе. Пошли вывески с русскими и итальянскими надписями. *«Погреб с разными винами»*[1] непременно переводился: Cantina con diversi vini. Улицы также назывались по-русски и по-итальянски: *Конная* – Strada Konna; *Херсонская* – Strada Chersona; *Полицейская* – Strada della Polizia… А вот и море, и статуя Дюка!.. Европейская гостиница, у которой мы остановились, – одно из лучших зданий в городе, с прекрасной ресторацией. Нас обдало блеском и сиянием. Отдохнув минуту среди всевозможного комфорта, я побежал на Щеголевскую батарею, которая была недалеко, под горой, на краю мола. Кругом шумело опустелое море. Щеголевская батарея очень проста, с земляным бруствером. По дороге я видел много сваленного камня. Готовятся новые укрепления. На зданиях, идущих по горе, заметно несколько пробоин ядрами. Статуя Дюка тут же, когда поднимешься на знаменитую Воронцовскую лестницу. Место, где отлетел кусок в осаду 11 апреля (1854), заделано металлом, со вставкой ядра.

Мы выехали ночью. Первые две станции идут берегом моря, подле самых волн. Казалось, волны плескали в колеса телеги, и шум их отдавался в тишине, подобно раскату по мостовой тысячи экипажей. Было что-то особенное, что-то приятное, укачивающее в этом ночном невидимом гуле… Но вот гудящие раскаты стали затихать. Дорога повернула

---

[1] Здесь и далее курсив авт. – *Примеч. ред.*

влево. Мы приехали в селение Варваровка, и опять к ночи, а надо было переправляться через Буг, версты две по тонкому льду, который весь был в окошках. Опять не нашлось проводников, и мы волей или неволей переночевали в Варваровке. На заре явилось шесть человек, так называемы*х лоцманов,* в башлыках, в толстых суконных сермягах и с особенными железками под сапогами, чтобы не раскатываться по льду. Они взяли наши вещи, и мы пошли гурьбою к реке. Но едва мы ступили на лед, как нас понесло ветром. Никак нельзя было держаться, даже с помощью подкованных лоцманов; мы сели на салазки, куда сложены были наши вещи, и покатились. Вести было легко по причине дувшего в спину ветра. Мы служили парусом. Пятеро лоцманов, ухватясь за веревки, не шли, а бежали, подгоняемые санями. Шестой, с небольшим багром в руке, шел, катясь, впереди и указывал дорогу, беспрестанно пробуя лед. Скоро мы очутились среди реки, на ледяной и, казалось, бесконечной равнине. Кругом мело и крутило снежную пыль, и за нею нельзя было разглядеть берегов. Закутавшись в шубу, я смотрел на синий, прозрачный лед, по глади которого несло вьющимися полосами мелкие снежины, и, приглядевшись, казалось, что мимо нас несутся волны… Но вот сквозь снежную пыль стали являться здания Николаева и деревья, похожие на неподвижный дым. Мы причалили и, оставив салазки под берегом, начали подыматься в гору великолепным садом, мимо беседок, засыпанных снегом. Николаев произвел на нас са-

мое выгодное впечатление: светлые дома, прямые, широкие улицы. Не потому ли все это так светилось, что кругом сиял только что выпавший снег, которому мы чрезвычайно обрадовались. Разумеется, явясь на станцию, мы потребовали сани. Так как к снегу завернул и мороз, то надо было купить теплые сапоги, или кеньги. Но кенег мы не нашли в целом Николаеве и обулись в медведя. За Николаевом становится заметнее однообразие херсонских степей. Вплоть до Симферополя идет как бы одна и та же степь, исчерченная бесчисленными дорогами, с возвышающимися кое-где известными курганами. На станциях не спрашивайте ничего: с трудом найдется кусок черного хлеба. Лень и сон царствуют на всем необъятном пространстве степи. Лень даже брать деньги. На беду мы попали туда в такую пору, когда нельзя было скоро ехать. Чудеса происходили на станциях. Это было переходное состояние почтовых дворов от частных лиц в казне. Мы пересели в телегу, можно сказать, еще среди зимы: степью, по сторонам большой дороги, лежал снег и был прекрасный санный путь. Пришлось опять колотиться *по грудь*. На беду ямщиком попался татарин, не говоривший по-русски и не знавший дороги. Въехав в Перекоп, он подвез нас к какому-то дому и сказал: *«Пушта!»* То есть почта. Но это оказался частный дом, а почта была еще далеко. Лошади не довезли и встали среди груды. Мы дошли пешком и спросили, где трактир. Нам указали через дорогу на светившееся здание. Мы перешли по мерзлым кочкам грязи, и нашим взорам

предстал бильярд, на котором спал какой-то господин. Сонный трактирщик объявил, что ничего нет, все вышло! Мы вернулись на станцию и спросили у смотрителя:

– Нет ли чего закусить?

– Ничего нет! – отвечал он.

– Да нет ли хоть черного хлеба?

– Нет!

На полу, у печки, лежал какой-то казак: он сжалился над нами, встал и сказал, что найдет хлеба. Через несколько времени он принес ломоть.

– А соли?

– Сейчас!

За солью надо было снова бежать через улицу. Он принес и соли в горсти и высыпал на стол. Мы поспешили выехать. Бесконечно тянулась степь со своими станциями. На одной из них какой-то добрый гений в виде русского полковника предложил нам франзоль, то есть французский хлеб, и мы напились с ним чаю. Тут же, откуда ни возьмись, наш обратный курьер из Севастополя. Он дал нам жареную куропатку и советовал запастись съестным в Симферополе. Но в Симферополь мы попали ночью. Однако достучались в гостинице «Золотой якорь» и добыли ветчины. За Симферополем виды изменились: показались горы и в небе орлы. К Бахчисараю горы стали выше, а дорога труднее. Поминутно приходилось переезжать голубые горные ручьи. Десятки конских трупов разбросаны были по садам и в поле. К счастью, под

самым Бахчисараем – на ужасной станции по глинистым косогорам, размытым тающими снегами, – нам попался лихой ямщик, русский и вместе татарин. Он родился в татарской деревне, говорил бойко по-татарски и имел некоторые татарские ухватки, но сметливость в нем осталась русская. Удивительно спускал он в ручьи, объезжал косогоры, крича на русских по-русски, по-татарски на татар, которые шли при обозах, запряженных волами и верблюдами. Он был боек на все, знал названия гор и переводил их по-русски.

– А знаешь ты Чатырдаг?

– Как не знать! По-русски – Палат-гора; но отсюда ее не видать, а видно с Алминской станции, и то в ясную погоду!

С этим лихачом мы подъехали к Бахчисараю, ища глазами ханских дворцов, с их садами и фонтанами. Но они были в конце города, который весь остался слева. Заезжать было некогда. На станции, окруженной несколькими домиками, как бы выселками из города, мы велели переложить лошадей, а между тем зашли к жиду закусить. Какой-то офицер сидел уже за столом и завтракал. На окне подле него стояла машинка с музыкой, которую он беспрестанно заводил. Только что она перестанет, он сейчас в карман за ключом – тррр! тррр! – и пошла опять музыка. Жидовка подала нам преизрядный суп и жаркое. Мы пообедали исправно, и притом под музыку. Поехали опять между горами, обгоняя бесчисленные обозы. Виды становились лучше и лучше. И вот Дуванка, последняя станция перед Севастополем! Почтовый

двор – длинненький домик татарского покроя, с черепичной крышей, и сзади – высокие горы.

Село раскинуто ниже, в лощине, дом над домом; а за ними опять идут горы синей полосой, и по ней светлеющими столбами встают снизу пирамидальные тополи. Вся Дуванка просится в картину. Мы поехали удивительными местами. Направо, над нами, высились горы, с выдавшимися кое-где каменными утесами, на которых были видны следы плескавшего в них когда-то моря, так, по крайней мере, казалось. По гребням иных поднебесных холмов чернели низкие, приземистые дубчики, прицепившиеся подобно грибам. А налево, внизу, темнели сады, с густоветвистыми грушами и чистым, веселым орехом. Посредине бежала какая-то речка, и разбросанные хаты лепились по утесам; а за ними, дальше, горы и горы… Но сердце билось, и нам было не до видов. Неужели тут, сейчас, Севастополь, неприятели, осада? Мы въехали на горы и ожидали скоро увидеть город. Оставалось верст шесть-семь; но Севастополь не появлялся. Казалось, мы въезжали на последнюю гору, за которой должен был открыться город; но за этой горой следовала еще другая, выше, и еще испытание нашему терпению. Город показывается не ближе как верстах в четырех. Отдаленная гора, и по ней рассыпаны строения. Впереди синяя бухта с кораблями. Направо и налево – горы, а вдали – море и тоже корабли. Когда мы подъезжали, не было никаких выстрелов, ничего.

– Где же неприятель? Где наши?

Ямщик-татарчонок ничего не мог нам объяснить и притом едва говорил по-русски. Сперва он указал на палатки влево и сказал:

– Вот тут француз! – а потом, поворочавшись немного, сказал: – Нет, тут не француз, а француз там!

Мы больше его не расспрашивали и все глядели на город, ожидая выстрелов. Немного погодя прямо против нас, но очень далеко, как бы за городом, взвилась бомба; уже вечерело, и потому был виден ее полет, обозначавшийся огненной полосой. Потом поднялось еще две-три вперекрестку, слабый звук долетел после. Мы все ехали прямо, спускаясь в лощину. Налево, очень близко, у бухты, показалось несколько домиков, похожих один на другой. Дорога поворотила вправо, и мы остановились у станции – довольно большого каменного дома с огромными закоптелыми окошками. Предполагалось много комнат, но комната, принадлежащая станции, была одна – и что за комната! В углу, направо за досками, был ссыпан овес; в другом стояла кровать смотрителя; налево, под окнами, еще кровать, на которой спал какой-то офицер; посредине был устроен стол из доски на двух камнях; на окнах и по углам стояли ружья и полусабли. У печки, вроде лежанки, сидели на разных почтовых тюках и на чем попало несколько офицеров, в шинелях и в фуражках или в папахах; кипел самовар, и виднелась бутылка с ромом. Еще несколько лежали на овсе. Пол был каменный[2]. Мы вы-

---

[2] В «Севастопольском альбоме», изданном мною, рисунок № 2 (здесь и далее

нули из телеги вещи, бросили тут же в кучу на пол и пошли являться по начальству.

Штаб расположен в одном из немногих однообразных домиков, или так называемых бараков, которые мы видели, подъезжая, у бухты. В остальных помещаются госпитали. Затем идет небольшая площадь; пройдя ее, к бухте, налево же, стоят два каменных сарая; тотчас за ними пристань и домик в один этаж, в три окна, в котором жил главнокомандующий[3]. От этого домика направо в гору – четвертый номер укрепления[2] и рядом палатка, называемая *Одесской гостинницей*[4]. Еще правее,

по горе, идут палатки торгующих разными съестными припасами. Тут же палатки одной роты Якутского полка; множество разных экипажей – тарантасов, телег, жидовских буд, молдаванских каруц, татарских арб – наставлено тут же без всякого порядка. Лошади, верблюды, волы кормятся подле, и при них безотлучно живут их хозяева. Под возами лают собаки. Вы видите вечное движение в гору и с горы к бухте, на пристани и около бараков. Солдаты, ямщики, татары, молдаване и русские снуют взад и вперед, то пешие, то верхом. Но больше всего солдат и офицеров. Поднявшись на гору, мимо 4-го номера, вы увидите позади него большой овраг, по-тамошнему *балку*, и новую бухту, на бе-

---

см. рисунок с аналогичным номером на вклейке. – *Примеч. ред.)*

[3] Там же, рисунок № 4.

[4] Там же, рисунок № 3.

регу которой разбросано несколько домиков; потом гора и новая балка, и в ней опять строения и бухта. Вдали, на выдавшихся мысах, огромными массами выдвигаются два форта: Михайловский и Константиновский, которые обыкновенно носят имя батарей или казарм[5]. Гораздо правее и ближе идет укрепление, называемое Северным, – и вот *вся Северная сторона.* Однако же это не город: город за главной бухтой, его видно отовсюду, но до него полторы версты водой, хотя и кажется ближе. Вы видите множество зданий, раскинутых по горе и подымающихся неровными зубцами по ее окраине. Выше всех стоит Библиотека. Сокровища ума царствуют над городом, не боясь никаких выстрелов. Левее, почти прямо против Северной пристани, идет еще гора, также покрытая строениями. На третьей горе их уже меньше, и наконец, идут голые горы, которых возвышенные точки заняты нашими и неприятельскими батареями. Осады не видать: она там, за краем, и оттуда взлетают бомбы.

Я отделался раньше товарища и пошел в Одесскую гостиницу. Хозяин палатки, между прочим, наш военный маркитант, как-то скоро со мной познакомился. Его зовут Александр Иванович. В его палатке чего хочешь, того просишь: на полу, у самой парусинной стенки, стояли бочонки с вином, маслом, икрой и селедками. На них – банки с огурцами, грибами, пикулями. На прилавке, посредине, громоздились ящики с конфетами, сигарами, сухарями; под потолком

---

[5] Там же, рисунок № 32.

качались рядами сушеная рыба, колбасы, харьковские крендели. Иные гирлянды попортившихся лимонов и никуда не годной колбасы висели единственно для симметрии. В задней части палатки из трех кирпичиков сложена была печь, вечно дымящаяся: там пекли блины, поджаривали рыбу… Три расторопных приказчика бегали из угла в угол, услуживая бесконечным посетителям, из которых кто сидел, кто стоял. Найти место было трудно. Два небольших столика по обе стороны ширм, на которых собирались ночевать куры, были уже заняты. Александр Иванович устроил мне пристанище на прилавке и обещал напоить чаем; а чай у него отличный, московский, и лучшая в городе вода, чистая, как стекло, пропускаемая сквозь машину. С тех пор как неприятели заняли реку, жители довольствуются колодцами. Но Александр Иванович берет воду в какой-то Голландии, верстах в двух от города, откуда носят ее солдаты в бочонках и получают от него по чарке водки и, кроме того, особое награждение деньгами. Всем дело до Александра Ивановича, и все его знают. Он известен даже первым сановникам города. Александр Иванович никогда не ночует в палатке, потому что там холодно, а имеет приют на ночь на пароходе, а не то на корабле. Александр Иванович всегда весел. Он не может говорить с вами без улыбки, несколько плутоватой, выражающей больше самодовольствие, нежели смех; больше «ты, мол, там что ни толкуй, а мы знаем, что знаем». Костюм его – пальто или шинель, подпоясанная крест-накрест шарфом;

на голове – особенный картуз, немного старомодный. Через плечо перекинута сумка, где пропасть всякой мелочи; но он ее никому не дает и умеет всегда так открыть сумку, что вы не увидите денег или увидите два двугривенных и рублевую бумажку. «Вот последняя!» – скажет вам Александр Иванович. В его сумке 20 перегородок… Таков Александр Иванович. Он напоил меня чаем и потом моего товарища, который между тем подошел; взял с нас недорого, дешевле кишиневского. Порция у него, как и в городе, по таксе, установленной Остен-Сакеном[3], – 25 копеек. Провизия свежая, прекрасная. Однако надо было проститься с Александром Ивановичем и подумать о переправе. У нас не было ни пароходов, ни кораблей для ночевки. Мы спустились прямо под гору, к пристани; но шлюпки уже перестали ходить: было 7 часов, а после этого часу запрещено плавание по бухте. Мы постояли у моря, поглядели на чернеющие массы кораблей и пошли на станцию. В комнате, которая за два часа кипела народом, не было ни души. Я осмотрел вещи: они лежали, как были положены. Немного спустя стали приходить те же офицеры и располагаться спать на овсе. Мы с товарищем легли тут же и через минуту заснули. Часа в 3 утра меня разбудило какое-то движение и шум. Слышно было сильную стрельбу. Я встал и вышел за ворота; там уже толпилась кучка народу. Встали два-три офицера и толковали, что бы значила эта стрельба; а солдаты, стоявшие около нас, рассуждали так:

– Ишь ты, расходился! То было смолк, а то опять! Давно

уж так не палил!

О неприятеле говорят здесь обыкновенно в третьем лице: *он, палил, смолк*… Бомбы огненными полосами резали небо, там, далеко, на краю; а левее, на бугре, шла частая ружейная перестрелка. Я поглядел немного и, ничего не понимая и порядочно озябши, воротился на овес и опять уснул. Товарищ мой и не просыпался. Мы встали утром довольно поздно и узнали, что было дело на новом редуте, у Килен-балки, и что наши крепко *его* побили. Взяв вещи, мы отправились к переправе, но хотели зайти к Александру Ивановичу. Солдаты, несшие вещи за нами, сказали, что будут ждать нас – там, у пристани, в сарае. Мы махнули рукой и поднялись в гору к Одесской гостинице.

Александр Иванович встретил нас рассказом о славном ночном деле и указал через бухту место, где дрались. Толпившиеся в палатке офицеры только и говорили, что об этом деле. Слышались разные вести, полки перепутывались, начальники также. Не было двух сходных показаний, между тем событие было так недавно и так недалеко…

A pomyślałem w duszy, cóż są gminne dzieje?
Popiół, w którym zaledwie iskra prawdy tleje;
Hieroglif mchem zarosłe zdodiący kamienie.
Napfs, którym spowite usneło znaczenie;
Odgłos sławy wiejący przez lat oceany,
Odbity o wypadki, o kłamstwa złamany,
Godzien śmiechu uczonych…. Lecz nim się zaśmieje,

Niechaj powié uczony: «Czém są wszystkie dzieje?»[4]

Впоследствии я расспрашивал у самих волынцев и селенгинцев, а еще позже прочел у французов, и в настоящую минуту могу рассказать об этом деле несколько точнее и подробнее, нежели рассказал моим читателям, печатая в первый раз «10 дней в Севастополе».

9 февраля (1855), в сумерки, мы заложили на Корабельной стороне, влево от Килен-балки, редут, получивший потом название Селенгинского. Работа[5] шла очень тихо, по причине каменистого грунта земли. В некоторых местах должно было употреблять взрывы. К вечеру 11 февраля ров перед правым фасом редута, где грунт был немного податливее, углублен аршина на два, а с левого фаса не более аршина, и поставлены туры[6], но орудия ввезены еще не были.

Французы тотчас заметили наши новые работы. Канробер 11-го числа, утром, лично осмотрел местность из ближайших траншей и дал приказание генералу Боске атаковать наши новые верки.

Боске назначил для этого: два батальона зуавов[7] (500 человек каждый), один батальон 4-го морского полка, один батальон 6-го линейного и один батальон 10-го линейного полков[8]. Генерал Меран, командующий 3-й дивизией 2-го корпуса, избран управлять атакой, а на деле атака поручена генералу де Моне.

В 11 часов все было готово. Французские войска поместились в траншеях, сзади второй параллели. Справа – батальон зуавов под командой Лакретеля и полковника Клера; в центре – моряки с генералом де Моне; слева – другой батальон зуавов под командой Дарбуа.

Два батальона 6-го и 10-го линейного полков под командой подполковника Дюбо должны прикрывать наступление.

У нас в это время на заложенном редуте находились два полка: Волынский весь (до 2 тысяч человек) и три батальона Селенгинского (до 1500 человек). 4-й батальон этого полка оставался в Корабельной и приходил на работу днем, а те три уходили. Кроме того, были небольшие команды саперов, моряков и человек 12–15 пластунов. Всего-навсего находилось на редуте около 4 тысяч человек.

Расположение войск было таково: 4-й батальон Волынского полка стоял в цепи, перед редутом. Шагах в тридцати от этой цепи, подле проходившей тут саперной дороги, помещались пластуны с есаулом своим Даниленко[9]. Налево и направо от них были секреты в двух пунктах, по три человека в каждом. 3-й батальон Волынского полка находился между цепью и редутом, шагах в полутораста от последнего. 1-й и 2-й батальоны того же полка стояли направо и налево, также сзади цепи, подкрепляя ее оконечности.

2-й и 3-й батальоны Селенгинского полка работали внутри редута, имея ружья в козлах, за валом сзади. 1-й батальон того же полка работал во рву, на переднем и правом фасе,

имея ружья также в козлах, за валом вправо.

По тревоге внутренние батальоны, то есть 2-й и 3-й, должны были занять банкет; а 1-й батальон, выйдя изо рва, должен был построиться против правого исходящего угла в колонны к атаке и поддержать правый фланг Волынского полка.

Первая половина ночи с 11 на 12 февраля была чрезвычайно светла; но незадолго до рассвета луна закатилась, на небе сгустились тучи, и настала непроницаемая тьма.

Мы никак не ожидали нападения.

В третьем часу ночи французы подошли без выстрела, густой массой, имея впереди каждого батальона по две роты авангарда и небольшие команды саперов с шанцевым инструментом.

Есаул Даниленко, услыхав впереди шум, послал к генералу Хрущеву, командиру храбрых волынцев, казака, который не успел добежать, как уже сзади пластунов загремели выстрелы и раздались крики, подобные нашему «ура»: французы прорвались сквозь цепь в нескольких местах и бросились на редут со всех сторон, преимущественно с левого фланга. Иные, хватаясь за туры, еще не насыпанные землей, скатывались с них в ров. Многие вскочили на вал, и между ними генерал де Моне, который тут же ранен тремя пулями, но не оставил своего поста… Наши едва успели взяться за ружья и скрестили с неприятелем штыки надо рвом редута. Французы были опрокинуты мигом, но скоро оправились опять и

опять едва не овладели редутом. Волынцы смешались с селенгинцами, французы с нашими. В редуте и кругом происходила самая жестокая схватка: резались, кололись, стреляли в упор, с трудом отличая впотьмах друг друга. Конечно, многим досталось от своих пуль… Всюду в кромешной тьме слышались крики. Там французы звали на помощь своих; здесь громко раздавалось: «Ребята, сюда!»; тут ревело «ура!» То наши, то их ряды бежали вперед или отступали.

Есаул Даниленко, бившийся со своими пластунами тут же, вдруг услыхал крики из темноты:

– Ребята, русские, сюда!

Он бросился с тремя пластунами на зов и увидал, что один наш унтер-офицер отбивается прикладом от шестерых французов. Заметив пластунов, они было отшатнулись, но потом напали опять. Унтер-офицер был ранен; на Даниленко наскочили двое и, схватив его сзади за руки, потащили. Даниленко был старый казак, лет 60, уже весь седой, но крепкий и бравый. Он сильно упирался, стараясь освободить руки; вдруг один из державших его французов споткнулся об убитого и упал навзничь; Даниленко, также споткнувшись, упал на него и, мигом освободив правую руку, выхватил кинжал и пырнул француза; потом выдернул из-под лежачего штуцер и кинулся с ним на другого француза, который его преследовал, – француз побежал…

Такие сцены происходили в разных точках битвы.

Между тем 1-й батальон Селенгинского полка построил-

ся вправо, как было предположено заранее. Полковник Сабашинский рассыпал впереди цепь из одной роты и двинул батальон прямо в гору, частью исполняя диспозицию, а частью имея в виду воспрепятствовать обходному движению неприятеля с нашего правого фланга. Пройдя шагов 500, он остановился и, зная, что французы должны быть где-нибудь близко, послал унтер-офицера и трех рядовых вперед цепи, ползком. Они проползли несколько шагов и потом воротились с известием, что две колонны неприятеля стоят в лощине очень недалеко. По всем вероятностям, это были два батальона 6-го и 10-го линейных полков. Немного спустя наши услышали разговор офицеров с солдатами: офицеры побуждали солдат идти вперед.

Полковник Сабашинский, собрав цепь, велел ударить наступление, и наши с криком «ура» бросились в штыки. После краткого сопротивления французы бежали в Георгиевскую балку, из которой, как казалось, вышли.

В этой стычке ранено два французских офицера, человек 30 убито и столько же взято в плен.

Но влево и сзади все еще кипел бой. Подошедшие к Килен-балке пароходы «Владимир», «Громоносец» и «Херсонес» стали пускать по неприятелю бомбы и гранаты. К ним присоединился и корабль «Чесьма», стоявший неподалеку на якоре. Выстрелы их ложились довольно удачно, и это окончательно смешало неприятеля. Французы отступили, устилая трупами горы и балки. Один зуав ухватил за во-

рот командира волынцев, генерала Хрущева, и потащил к своим рядам, но бывший подле горнист ударил зуава наотмашь пипкой трубы в голову и убил наповал.

Французы потеряли в этой схватке до 500 человек убитыми и ранеными, в том числе 14 офицеров (девять убито и пять взято в плен ранеными). Один совершенно целый взят на валу; одних зуавов выбыло из строя 330 человек. Мы потеряли убитыми и ранеными пять обер-офицеров и 302 человека нижних чинов.

Должно отдать справедливость: французы дрались отлично. Я слышал им похвалы от многих офицеров и солдат, участвовавших в бою. Русский человек на это честен: он никогда не обойдет похвалой своего врага, если враг того стоит; и никто с такой охотой и так простодушно не хвалит, как русский человек.

Барон Остен-Сакен писал на третий день к главнокомандующему французской армии, между прочим, следующее: «Je m'empresse de vous prévenir que vos braves soldats morts, qui sont restés entre nos mains dans la nuit du 23, ont éié inhumés avec tous les honneurs dus à leur intrepidité exemplaire»[10].

Этих храбрых, числом около 100, похоронили (12 февраля утром) почти на самом месте боя, немного ниже редута[11]. Было вырыто две больших ямы: в одной положили офицеров, девять человек; в другой нижних чинов, в три ряда, в том платье, в каком они были подняты. Зуавы имели ши-

рокие шерстяные кушаки: их размотали и закрыли ими покойникам глаза и потом засыпали землей. Католический священник отслужил панихиду. В это время рота солдат сделала залп из ружей. Точно так же хоронили и наших.

Это были довольно редкие похороны в Севастополе. Впоследствии, когда осада приняла более серьезные размеры, уже некогда было заниматься подобными церемониями, да и недостало бы рук.

Читатель увидит ниже, как производились обыкновенные севастопольские похороны.

В рапорте своем князю Меншикову от 12 февраля, за № 927, барон Остен-Сакен также отдал честь храбрости французов, выразившись в заключение так: «Рукопашный бой продолжался час, и французы сражались героями, но русский грозный штык в руках удалых волынцев и селенгинцев одолел и осуществил отзыв 12 февраля – натиск».

Напившись чаю у Александра Ивановича, мы спустились к пристани. Наши солдаты стояли и ожидали нас при вещах, подле сарая, куда свозили убитых. Тут мы увидели несколько жертв ночной схватки, подобранных после погребения, о котором я сейчас сказал. Русские и французы лежали рядом в одних рубашках и нижнем платье, без обуви. В головах у русских теплились восковые свечи, приткнутые к земле. Страшный вид! Бледные лица, кровь, тяжелые раны. Я насчитал 30 трупов. Два зуава поразили меня своей красотой. Они оба были черноволосые; волосы раскинулись космами

по земле; высокие лбы, правильные черты, небольшие усы и бороды; у одного были голубые глаза и выражение лица, близкое к восточному. Коленкоровые сорочки были чисты, брюки красные. У другого я заметил голубой шарф, и этот несчастный был еще несколько жив. Высокая грудь, пробитая пулей, подымалась, и он шевелил рукой. Но через минуту, кажется, он уже не жил. В углу лежал, тоже убитый пулей, молодчина, русский фельдфебель, весь в крови… Мы вышли, спеша освежиться от тягостного впечатления.

– На Графскую, на Графскую! – кричали у пристани: это означало – на Графскую пристань, в город.

Я шел машинально по доскам, и скоро волны закачали ялик – Северная сторона с ее трупами побежала прочь. Мы прошли мимо корабля «Храбрый»; за ним виднелся корабль «Великий князь Константин»; ялики и катера неслись навстречу, мчались вдали; то стихал, то раздавался снова плеск весел, дружно ударявших по воде, – и вот ближе и ближе удивительный город, ярче и ярче пестреющая масса зданий… Мы пролетели мимо Павловской батареи, этих страшных пушечных рядов, всегда готовых зареветь… Вот и берег!

– Шабаш! – крикнул рулевой; весла попадали в ялик. Один гребец вскочил с багром на нос и уцепился за каменья. Перевоз в две версты стоит копейку серебром! Иные платят несколько дороже, но, кажется, не выше трех копеек.

Пристань кипела народом. Налево, у кучи складенных ядер, бабы торговали яблоками, яйцами и разными разно-

стями; шумело несколько самоваров со сбитнем; толпились солдаты, матросы, мужики… К нам подбежали носильщики, предлагая услуги. Один хотел забрать все; но мы взяли двух и пошли налево по широкой улице, несколько в гору. Направо показалось прекрасное здание Благородного собрания, где был в настоящее время перевязочный пункт[6]. Перед ним на площадке стояли пушки и сложены были в кучах ядра. Позади этого здания, высоко вверху, виднелся бульвар Казарского, а на нем памятник этому герою: на белом пьедестале темная, чугунная трирема. Светло глядел Севастополь. Направо и налево шли красивые дома и между ними собор, обращенный к бухте. Подле него другая отстраиваемая церковь, и тут же, поперек улицы, баррикада из белого камня[16]. Но ничего разрушенного. Народ двигался по улицам, попадались и женщины; всего более, конечно, было военных, солдат и офицеров, – и все это в шинелях, в длинных сапогах сверх брюк и в фуражках. Нигде эполет или кивера! Город смотрел так, что не верилось, будто он в осаде. К тому же – ни выстрела! Мы прошли около версты до первой гостиницы Шнейдера: нет ни одного нумера! Спросили дальше, у Томаса[17]: тот же ответ! Что было делать? Мы вспом-

---

[6] Часть улицы, о которой я говорю, изображена в «Севастопольском альбоме» на рисунке № 25. Дом Собрания – рисунок № 23. Памятник Казарскому – рисунок № 6.

[16] Все это в «Севастопольском альбоме» на рисунке № 5.

[17] Обе гостиницы на рисунке № 25.

нили об одном приятеле, совоспитаннике по Московскому университету, К[6], бывшем на ординарцах при Остен-Сакене. Мы нашли его спящим. В ночь накануне он был при командующем войсками, в деле, и устал. Но сон прошел в минуту при встрече со старыми знакомыми; студенческое, московское сердце заговорило. Он жил тесно, втроем с двумя другими офицерами в небольшой комнатке, и потому приютить нас не мог, но пока приютил наши вещи. Мы и тому были рады. Отпустили носильщиков, разговорились и забыли думать, где будем ночевать. Судьба послала нам приют: явился один гусарский офицер и предложил нам номер у Шнейдера; он занимал два, и ему было много. Мы сейчас же перебрались. Я был в нетерпении видеть скорее город, бастионы, осаду; но оказалось, что вдруг сделать этого нельзя. На бастионы нужно проводников; притом Севастополь не похож на другие города, чтобы ходить по нему, необходима некоторая привычка, а не то вы устанете на первой полуверсте: он весь в горах и балках. Обыкновенных улиц, похожих на всякие другие улицы, немного: пять-шесть во всем Севастополе; остальное – это холмы и косогоры, покрытые строениями, и между ними идут неправильные переулки, без мостовой и тротуаров; часто даже не переулки, а не знаешь, как назвать: стоит стоймя гора, в ней врыты каменья то в виде

---

[6] Часть улицы, о которой я говорю, изображена в «Севастопольском альбоме» на рисунке № 25. Дом Собрания – рисунок № 23. Памятник Казарскому – рисунок № 6.

ступеней, то как случится; дома, идущие кверху, кажутся построенными один на другом; между ними то широко, точно какая площадка, то узкий коридор, и вдруг спуск вниз по таким же каменьям – а там бухта в версту шириной, и надо ждать ялика, не то обходите верст пять кругом. За бухтой новый город. Среди мелких домиков, рассыпанных по горе, выступают громадные строения верфей, казарм и батарей. Прошли мимо них: там еще балка, на дне ее несколько красивых дач.

– Обернитесь назад: там бухта и море….

Таков поэтический Севастополь, трудный для путешествий. Его никак не окинешь взглядом весь, а надо рассматривать по частям, и долго рассматривать.

Итак, в первый день я не видал осады вовсе и от нечего делать пошел к пристани. Как-то тянуло на Северную сторону, и все оттого, что она была чуть-чуть знакомее.

– На Сиверную! На Сиверную! – кричал какой-то старик, стоя в лодке с другим гребцом.

Я сел к нему; набралось еще человек пять-десять, и мы отчалили. Я пробыл на Северной до вечера, и все почти у Александра Ивановича. Я вслушивался в толки входивших и уходивших, вглядывался в физиономии. Тут же познакомился я с одним чиновником государственных имуществ В., который занимался поставкой дров для армии. Он жил давно в Севастополе и знал хорошо все и всех. Он говорил мне о тяжких минутах, пережитых городом, когда шел неприятель

и кругом пылали запасы корабельных лесов. Их зажгли сами русские. Никто не думал, что Севастополь удержится. Адмирал Корнилов одушевил жителей. Все бросились на работы и в пять дней создали то, для чего нужны были месяцы. Тотлебен и Фолькмут заведовали постройками батарей, и подошедший поздно неприятель увидел семь грозных бастионов. Говорят, Сент-Арно изорвал шляпу, когда узнал, что дравшееся с ним на Алме войско было у Севастополя последнее, было все… даже говорят, это ускорило его смерть. В. пригласил меня к себе в город, и мы вместе пошли на пристань.

В. жил за бульваром Казарского. Проходя мимо, я увидел близко простой памятник, с простою надписью: *Казанскому.*

Недалеко оттуда построена баррикада и стоят пушки большого калибра. Левее, через несколько шагов, еще баррикада. Это место чрезвычайно высоко, вероятно, самое высокое в городе. Оттуда весьма хорошо видно Чатырдаг, несмотря на 80 верст расстояния. С других точек он виден хуже. Домик В. немного ниже этой точки. Из него также видно не менее полгорода и, между прочим, несколько бастионов. Я просидел у него часов до девяти, говоря о Севастополе и дожидаясь выстрелов, которые обыкновенно начинаются около этого времени, но не дождался и пошел домой с проводником-татарином, который почти бежал передо мною, прыгая впотьмах по камням, как будто днем, то спускаясь, то подымаясь. Я беспрестанно отставал от него. Так мы добежали до большой улицы, на которой я жил, и расстались. Оттуда

я уже знал дорогу. Никого не встречалось на улицах. Было совершенно тихо и темно, как вдруг загремели выстрелы. Я чуть не воротился, чтоб поглядеть на полет бомб, но чувствовал большую усталость. Мой товарищ был уже дома, и я застал его ложащимся спать. Он был большой оригинал и флегматик, видал бомбы не раз и ближе и мало о них думал. Смотря на него, и я лег и тут же заснул. К утру выстрелы стихли. Встав, мы уже не слыхали ничего. Напившись чаю, я переехал на Северную, чтобы увидеться с доктором, князем Долгоруким, и быть на операциях. Я встретил его у бараков, и мы вошли вместе в операционную палату. Барак – это длинное каменное строение в один этаж. Внутри стоят кровати в два ряда, направо и налево. Над ними ряд шкапчиков, куда больные кладут свои вещи. В операционном бараке оставлена некоторая пустота при входе, где ставится стол или кровать для операции. Дальше на кроватях лежали русские и французы, раненные в последнее дело. Французов было трое, и все зуавы: капитан и два солдата. Капитану только что отняли ногу. Он глядел очень бодро. У него было славное лицо; большая эспаньолка с проседью и густые, короткие усы. Белая повязка на голове в виде чалмы делала его похожим на араба. Он лежал довольно далеко от дверей, вблизи которых собирались делать операцию одному русскому солдату, раненному пулей в локоть. Все столпились около этого солдата: четыре доктора осматривали рану; две-три сестры милосердия[12] готовили инструменты, бинты, корпию, воду;

несколько солдат устанавливали кровать. В это время я подошел к капитану. Он обратился ко мне и просил дать знать, что он съехал на один край кровати и может упасть:

– Это моя смерть! – прибавил он.

– Да не могу ли я вам помочь?

– Ну, нагнитесь!

Я нагнулся, он обхватил руками мою шею; но едва я стал приподнимать его, как он опустил в изнеможении руки:

– Нет… оставьте, оставьте! – сказал он, – вы очень скоро!..

Через минуту мы принялись снова, и в три приема я положил его как надо. Налево подле него лежал зуавский солдат, бывший в деле под его командой. Ему предстояла такая же операция. Лицо его было совершенно восточное, темное, но без бороды и с легкими усами. Удивительно яркие, большие глаза блуждали в орбитах. Я подошел к нему и спросил, не надо ли ему чего. Он поглядел на меня и отвечал неохотно: «Ничего!» Третий лежал направо от капитана, чрезвычайно красивый, с небольшой черной бородой, в фесе и в синей куртке с шитьем на плечах и рукавах. Смертная тоска изображалась во всех его чертах; на черных глазах как бы туман. Он беспокойно двигался по кровати; то прятал руки под одеяло, то клал их под голову. Пуля попала ему ниже живота и засела в таком месте, откуда никак нельзя было ее вынуть. Решили не делать операции, и он должен был умереть и, кажется, знал об этом. На все вопросы окружающих он не отвечал ни слова или отвечал неохотно. Стали делать операцию

солдату, дали хлороформ; потекла кровь… Операция была трудная и тянулась долго. Солдат все время стонал и бранился. И всегда стонут в этом странном сне. Я с трудом высмотрел всю операцию; но зато следующие мне были ничего. Сестры милосердия, довольно молодые девушки, смотрят совершенно спокойно и беспрестанно подмывают текущую ручьями кровь. Ногу солдату-зуаву отрезали вмиг и стали перевязывать жилы. Тут уже отнимают хлороформ. Шесть человек держали руки; но зуав был так силен, что в минуты невыносимой боли, когда ему приставляли к ноге теплую губку, он подымал державших, крича:

– Au nom de Dieu! Vous те brulez! Vous me brulez!..

Капитан все время смотрел на операции и одушевлял товарища:

– Tenez vous brave, mon enfant! Nous guerirons bien, voyez-vous!

Таков он был со своими *детьми.* Но тут же находился по какому-то случаю один перебежчик – вероятно, его сунули туда покамест до распоряжений о нем. Капитан зуавов и солдаты тотчас почуяли, что это не пленный, и никто с ним не хотел говорить; да и русские смотрели на него косо. Он был в синей шинели с коротким капюшоном, белокурый, с голубыми глазами, и все как-то жался, точно зяб. Скоро и солдату-зуаву окончили операцию и положили его неподалеку от капитана. Все удивлялись его крепкому сложению; но один доктор заметил, что он изнурен, и потому… бог весть, что

будет!

– Зачем вы его так много заставляли работать? – сказал доктор капитану.

Капитан не отвечал ни слова. Я вышел и отправился по другим баракам; в одном нашел пленных англичан вместе с французами. Какая разница в физиономиях! Все были белокурые, в особенных низеньких шапках, без всяких полей, с номером напереди. Один был в красном мундире с белыми петлицами и в черном нижнем платье; другие – в черных шинелях, похожих на французские. Красный все расхаживал, присаживался на разные кровати, а те два занимались писанием письма. Тут же был один французский драгун. Он сидел на постели в одной рубашке и намазывал на ломоть черного хлеба что-то вроде масла и ел. В третьем бараке я увидел еще двух раненых зуавов: один – пулен в подъем ноги, другой – в грудь, и этот уже умирал. Он был очень похож на того, которому в первом бараке отняли ногу, как будто брат. Когда я подошел, он лежал с закатившимися глазами и хрипел; но вдруг устремил на меня свои большие глаза, уже подернутые пеленою смерти, глядел с минуту; потом опять глаза его закатились, и он захрипел. Я воротился в первый барак взглянуть на тех, кому сделаны были операции. Русский солдат смотрел совершенно спокойно и разговаривал со своими.

С капитаном зуавов говорил один доктор. Между прочим спросили у него, женат ли он.

– Non, les femmes – c'est folie! Nous avons quelques officiers, qui sont maries, mais… c'est folie!..

– Вы сходите на главный перевязочный пункт, в город, – сказал мне Долгорукий, – там Пирогов: когда он делает операцию, надо встать на колени!

Но я узнал после, что Пирогов болен, и мне не удалось его видеть.

Из бараков я зашел на время к Александру Ивановичу. Он накормил меня какой-то маленькой свежей рыбкой и еще блинами. Блины у Александра Ивановича дешевле, нежели в Кишиневе: 20 копеек порция, три больших блина, а в Кишиневе – два, и притом маленьких. Я заговорился с ним и опоздал на переправу. Отчаливали последние ялики. Я сел на один, очень маленький, с двумя пьяными гребцами; на руль поместился какой-то офицер, совсем не умевший править. Мы три раза налетали на катер и чуть-чуть не попали под пароход. Страшные колеса прошумели над самыми ушами. К двум пьяным гребцам присоединился еще один пьяный пассажир. Он все вставал и расхаживал… Признаюсь, когда я ступил на камни, мне долго казалось, что они качаются и так же зыбки, как лодка. Часу в девятом я был дома и нашел товарища за чаем. Немного погодя мы услышали выстрелы. Слуга, пришедший из гостиницы, сказал нам, что неприятель пускает бомбы и что четыре упало недалеко в улице. Мы напились чаю и пошли поглядеть; но стрельба стихла. Мы сели у ворот одного дома на камень и смотрели в

сторону неприятеля. Было очень тихо и пустынно в улицах. Через полчаса стали подыматься бомбы с наших бастионов. Мы проследили бомб тридцать и пошли домой. Неприятель не отвечал. Мы легли спать под выстрелы, которые становились реже и реже. Я проснулся очень рано. Может быть, меня разбудила стрельба: неприятель опять пускал бомбы. Их разрывало где-то близко, по слуху – налево. Я подошел к окну: на улице уже двигался народ, не обращая никакого внимания на бомбы. Только двое стоявших на противоположном тротуаре, по-видимому купцы, взглядывали вверх всякий раз, как слышался взрыв, и крестились; потом опять начинали разговаривать. Через час стрельба утихла. Товарищ мой встал, и мы пошли вместе к своему университетскому знакомцу. Там собралось несколько офицеров. Один из них намеревался идти на 6-й бастион, к начальнику 1-й линии, капитану 1-го ранга Зорину. Я просил взять меня с собой.

– Что ж, пойдемте. Я вас представлю Зорину, и вы сможете увидеть всю линию бастионов, которые под его командой, начиная с пятого по десятый.

А мне только этого и хотелось.

Мы поднялись на гору мимо бульвара Казарского и, повернув налево, зашли поклониться праху Лазарева и Корнилова, положенных вместе, под одной доской. Над ними воздвигается храм Святого Владимира. Выведен только один фундамент[13]. Оттуда мы зашли в Библиотеку, о которой я скажу подробнее несколько ниже. Обойдя нижний этаж, мы

поднялись вверх, на открытую террасу, откуда виден весь город, бастионы, четыре неприятельских лагеря и их корабли. Дух захватывает от неописанного чувства восторга, когда окинешь все это глазами… Эти живописные холмы с их бугрящимися улицами, эти бухты, захлебнувшиеся кораблями, которым не дают простора… Боже мой! И такой город отдать….

5-й и 6-й бастионы оттуда ближе всех – версты полторы, не больше. Но видны одни казематы – каменные здания в один этаж, где помещаются офицеры и часть прислуги. Дальше их и соединяющей их стены не видно ничего. Они кажутся как бы на горизонте. Перед ними балка с белеющими домиками. В улицах двигался народ. Мы спустились с террасы и пошли по направлению к этим бастионам и скоро пересекли одну широкую улицу, которая называлась *Большой Морской.* Это была некогда одна из самых населенных улиц, с вечным движением и деятельностью. А теперь стояли брошенные дома с разбитыми окнами; ходивший народ – были единственно солдаты. Встретилась еще одна баба с ребенком на руках и несколько мальчишек, которые катили ядро. Им платят на бастионах по копейке за штуку. Но все-таки видишь много валяющихся ядер, даже на площадке у самой Графской пристани. Потом мы пошли обыкновенными севастопольскими улицами, по холмам.

– Вот здесь недавно убило одного солдата штуцерной пулей, – сказал мой спутник.

Это место было еще саженях в 200 от бастионов. Я так устал, что хотел было сесть и отдохнуть; но домик Зорина уж был недалеко. Он помещался в нем с адъютантами и канцелярией. Мы нашли всех дома, за работой. Все были моряки, и все в шинелях или в сюртуках без эполет. Зорин принял меня как старого знакомого. Мы сели закусить. Со мной рядом сел Ахбауэр, бывший адъютант Шильдера; он был здесь старшим саперным офицером и заведовал работами на 5-м и 6-м бастионах. Он предложил мне идти с ним после обеда на 5-й бастион.

Надо было идти мимо стены, построенной еще давно и неоконченной. Внутренняя часть каземата была во многих местах пробита насквозь, и после того пробоины завалены камнями. Крыша сбита совсем. На ней заметна небольшая земляная насыпь, и посередине стоит несколько туров.

По всему двору были видны земляные насыпи с отверстиями, обделанными в сруб. Это землянки солдат, или, как зовут на бастионах, блиндажи, по-солдатски – курлыги. Фас бастиона, обращенный к неприятелю, состоял из земляного вала, бочонков, мешков с землей и туров. В валу проделаны амбразуры, занавешенные веревочными щитами, введенными Зориным, потому что деревянные разбивало ядрами и даже пулями, и щепками било прислугу. В амбразурах стоят пушки, преимущественно морские, большого калибра; внизу, у лафетов, сложены в пирамиды ядра, свалена картечь, патроны; протягивается толстый канат, сдерживающий ору-

дие, когда отдает его выстрелом; мотаются тали – особенные веревки с блоками; вал вышиной сажени в две. Вокруг сделаны ходы по доскам; на некоторых стоят вахтенные с трубами, следя за неприятелем. Несколько штуцерных стоят тут же, и каждый ожидает случая выстрелить. На дворе всегда кипит работа: роют блиндажи, возят землю, офицеры ходят между работающими, наблюдают, кричат; садятся на пушки и разговаривают друг с другом, нисколько не думая о пулях, которые иногда звенят об то орудие, где они присели… А вот в амбразуре, на полу, поместился целый десяток матросов, поставили котел и едят кашу. Один, пожалуй, расскажет вам, как вчера убило у них товарища на этом самом месте. Вдруг вахтенный кричит:

– Бомба! Или наша едет![14]

Чугунный шар хлопается на двор; кто прилегает, кто остается так; бомбу разорвало, осколки, жужжа, летят над головами, и опять все пошло по-прежнему. Вот вам бастион и жизнь бастиона! Впрочем, 5-й бастион не из самых опасных. Здесь траншеи неприятелей саженях в 250. Я взглянул в отверстие щита у одного орудия: далеко в поле шел едва заметный желтый вал, сливаясь с грунтом земли, – это были траншеи неприятелей. Местами выскакивал дымок – выстрел из штуцера, но без звука, – и только. Больше никакой жизни; никто не показывается из-за вала, и не веришь, что там много народу. А между тем смерть поминутно несется из-за этого безжизненного вала… Французы очень осторожны. Впо-

следствии я глядел на их траншеи по целым часам – ничего, кроме вала. Если покажется кто-нибудь, то верстах в двух или еще дальше.

Познакомясь с бастионом, я стал рисовать разбитую стену каземата, прислонясь спиной к мешкам на валу. Пули беспрестанно ложились через вал и щелкали в камни здания. Я боялся за работавших во дворе; но ничего не случилось. Потом я накинул два лагеря, английский и французский, в трубу, которую мне держал матрос. Мы загородились мешками и были безопасны от выстрелов. Я так зарисовался, что забыл о пулях и уже не слыхал их свиста. Матрос, соскучась или устав держать трубу, стал обкладывать ее каменьями, которые доставал тут же на валу, беспрестанно высовываясь. Я заметил ему это.

– Ничего, ваше благородие! – отвечал он, как обыкновенно отвечает русский человек. В это время пуля ударила в мешок против моего уха.

– Видишь! – сказал я.

– Пулька! – отвечал он, нисколько не переменяя положения и глядя через вал, как будто не его дело.

Вообще наши очень неосторожны. Когда нужно идти траншеями, идут где случится, попрямее; часто высовываются из-за вала. Или уж так смело создан русский человек! Мне рассказали такой случай, кажется, уже известный всем; но я его повторяю, как слышал там. Летело перед бастионом стадо дрохв. Наши выстрелили в одно время с французами:

четыре дрохвы упали между ними и нами. Долго никто не решался идти подымать. И что ж? Первый пошел русский, один офицер, поднял две дрохвы, а две оставил им, сказав:

– Возьмите – может, и ваши!

Я кончил рисовать. Меня окружили офицеры: артиллеристы и моряки. Лейтенант Марков, командующий на бастионе, пригласил взглянуть на его блиндаж. Это была небольшая подземная комнатка с печью и кроватью. Правда, в ней едва можно было повернуться; но зато тепло и совершенно безопасно от бомб[7]. Я нарисовал и ее и простился с храброй семьей 5-го бастиона.

Уже вечерело, когда я воротился к Зорину.

Во время ужина пришли доложить, что против 6-го бастиона неприятель возводит батарею и ставит пушки. Зорин велел сделать до пятидесяти выстрелов с 5-го бастиона ядрами и до ста с 6-го бомбами. Скоро загудели выстрелы, и у нас затряслись окна и двери. Я не дослушал до конца и заснул. Знаю только, что неприятель не отвечал.

На другой день, 15 февраля, я пошел на 6-й бастион, имея провожатым матроса. 6-й бастион совершенно похож на 5-й: такой же каземат, немного целее; такого же устройства вал, неприятель почти на таком же расстоянии. Тут я познакомился с лейтенантами Шемякиным и Гедеоновым и комендантом бастиона, полковником Лидовым, человеком весьма простым и добрым, но столько же точным в исполнении сво-

---

[7] В «Севастопольском альбоме» рисунок № 7.

их обязанностей. Он едва не взял меня под арест, дав секретное приказание не выпускать меня, покуда не будут наведены справки, и все это потому только, что я был в другой форме, невиданной на

В «Севастопольском альбоме» рисунок № 7.

бастионах. Я ничего этого не знал. Он сам мне рассказал после очень просто. Мы пошли траншеями в блиндаж Шемякина, который был в четверти версты от бастиона, подле батареи, называвшейся Шемякинской, или Полынковой. Я стал рисовать морские орудия. Пули беспрестанно посвистывали через вал; но я уже к ним привык. Потом мы вошли в блиндаж: явился херес, сыр и какая-то рыбка. Мы пробеседовали довольно долго, как вдруг услыхали глухой удар пули подле дверей блиндажа. Все выскочили взглянуть, не убит ли кто. Но оказалось, что пуля попала в белье, повешенное для просушки, пробила насквозь две мокрые рубахи, одну за другою, и зарылась в мелких камнях. Сила полета штуцерной пули изумительна. Здесь было до 400 саженей расстояния между их и нашими траншеями. Мне показывали пули, которые случалось отыскать, – это смятые или расплюснутые комки свинца. Воротясь к Зорину, я нашел у него адмирала Нахимова. Он был в сюртуке и в эполетах. Зорин представил меня. Адмирал – это само простодушие и доброта. Он позволил мне видеть все бастионы и обещал дать проводников.

Я решился прочесть ему:

Дядя! брат твой незабвенный
Был студенческий отец![15]

Его тронули рассказы и воспоминания о брате. Он охотно слушал меня, и мы проговорили около часу.

На другой день я пошел на 10-й номер батареи, которая находится рядом с батареей Шемякина. Номера идут не по порядку. Матрос повел меня сначала траншеями, а потом сказал, что надо вылезти и идти прямо, потому что тут траншеи очень мелки, *да и все так ходят.*

– Вон, видите, идет!

Действительно, шел какой-то водонос, и притом очень тихо. То же советовали сделать и солдаты, сидевшие в траншеях. Мы вылезли и пошли прямо и скоро догнали водоноса. Три человека были порядочной целью. Я видел все линии неприятельского вала как на ладони. Там, во всем поле, не было ни души. Вдруг подле нас ударила пуля.

– Видишь, – сказал я матросу, – по нам стреляют! Я тебе говорил, что надо идти траншеями.

– Э, ваше благородие! Которая наша, от нее нигде не схоронишься!

Другая пуля пролетела между мной и водоносом. Я пошел скорее, и через пять минут мы уже были на батарее. Она стоит на углу, одним фасом к морю, другим к небольшой бухте; третий фас обращен в поле, к 6-му бастиону. За бухтой, прямо, видна возвышенность, где был древний Херсонес. Те-

перь от него осталась только небольшая стенка, вьющаяся по скату к бухте, и то я сомневаюсь, чтобы это была древняя стена. Издали она совершенно похожа на траншею, но, говорят, не траншея. Больше ничего нет на месте Херсонеса – ничего старого, да и нового немного: разрушенная церковь Святого Владимира и, у самой бухты, также разрушенные домики карантина, неосторожно оставленные неприятелям. Они устроили тут завалы и в последнее время даже поставили пушки. По этой-то батарее велел накануне Зорин сделать полтораста выстрелов. Ее сбили, и после сбивали не раз; но через день она являлась опять и удержалась.

Все это место, где был Херсонес, прелестно, несмотря на пустынность. Не налюбуешься этими переливами холмов, за которыми тотчас идет море, и на нем корабли, конечно, не наши.

В бухту садятся беспрестанно утки; но никто не смеет за ними охотиться —

> Nikt, bez straty życia lub swobody,
> Nie mógł przestąpić zakazanéj wody;
> Tylko słowiki Kowieńskiéj dąbrowy
> S bracią swojémi Zapuszczańskiej góry
> Wiodą, jak dawniéj, Litewskie rozmowy[16].

Конечно, утки в бухте разговаривали по-русски…

10-я батарея имеет особенное устройство: она сложена из глиняных кирпичиков, очень правильно и красиво. По ней

стреляют так же, как по 5-му и 6-му бастионам, но, по замечанию командира ее, капитан-лейтенанта Андреева, через день.

– День молчат, а на другой их как будто что прорвет! – Выражается он и в эти дни обыкновенно никого к себе не приглашает. – Приходите завтра: завтра не будет стрельбы.

Но то беда, что бывают ошибки в наблюдениях храброго капитана, и вдруг *их прорвет* совсем не в тот день, когда он рассчитывает, и озадаченные гости не знают, что делать. Я попал, по счастью, в день спокойный. Ни одного выстрела в продолжение часа, который я провел там, сидя все время в амбразуре, на пушке, любуясь видами и думая о старом Херсонесе, о тех, которые давно здесь также бились – и улеглись… и вот их сон встревожен новыми громами.

Артиллерийский офицер, находившийся при орудии, смотря в одну со мной сторону, думал тоже о сне, только о другом: он решил, что француз, должно быть, спит и потому не стреляет.

– А вот вчера стрелял! – Он показал мне засевшие в лафете пули.

Немного спустя очень далеко явились какие-то всадники; они ехали шагом, опустив поводья. Все это можно было рассмотреть только в трубу. С 5-го бастиона пустили по ним бомбу; но они не обратили на нее никакого внимания, хотя она лопнула очень близко. Потом показалась куча зуавов, шедших из-за горы с ведрами в руках. По ним также пустили

бомбу. Часть прилегла к земле, а другие продолжали идти и через минуту были уже в балке. Наконец и нашему бастиону нашлось развлечение: у церкви Святого Владимира все маячил какой-то человек, выходил из-за стены, прохаживался и опять уходил. До него было больше версты, и стрелять не следовало, но стали стрелять от скуки. Однако пули ложились отлично. Иные падали саженях в пяти: это видно было по взвивающейся пыли.

С 10-й батареи я пошел на 7-й и 8-й номера, которые соединены вместе и находятся не так далеко от 10-го, по направлению к городу. Артиллерийский офицер, любовавшийся со мной Херсонесом, проводил меня несколько шагов и указал на свой разрушенный каземат, в котором засело несколько ядер, пущенных неприятелями с моря в осаду 5 октября. Огромные пирамиды французских и английских ядер возвышались подле.

– Вот что мы собрали у себя во дворе; а сколько еще не собранных там, в поле! – сказал офицер. По его словам, в этот день неприятелем было пущено в город со стороны моря до 25 тысяч ядер и бомб.

7-я и 8-я батареи стоят также на берегу моря.

По выкладке они похожи на своего соседа – 10-й номер. Тут очень тихо. Редко прилетают пули, и то, разумеется, шальные. Прицельных быть не может, по расстоянию и местности. Я застал матросов в ученье, они примеривались к орудиям, дружно взмахивали банниками и перебегали с места

на место. По валу ходил какой-то офицер с подзорной трубкой. Я поднялся к нему и просил позволения взглянуть на батарею. Он повел меня сам, объясняя все подробно и просто. Это был капитан-лейтенант Луговский, простой и сметливый моряк.

– А каков у нас вид! – сказал он, обернувшись к морю.

Нельзя было не остановиться и не полюбоваться. По самому горизонту тянулись ниткой корабли и пароходы, скрываясь налево за мыс Херсонеса. Один пароход стоял с правой стороны, отдельно от других, для наблюдений. Я постоянно видел его на этом месте.

– Нельзя не отдать чести, – сказал капитан, – поверите ли, этот пароход как пришел и встал, так и не трогался во всю зиму и выдержал самые крепкие ветры. Другие корабли раскидало, а он устоял. Не знаю, кто другой здесь выстоит столько!

Мы повернули на задний фас батареи, где уже идет 8-й номер, обращенный к городу.

– Вот тут вчера упало десять ракет, – сказал Луговский, – и одна в кучу рабочих, которые ужинали; говорят, даже в чашку, но не задела никого!

Луговский также был 5 октября на батарее и хвалил мне наших матросов.

– Не перескажешь никакими словами, что это за народ: с ними нельзя робеть!

Он повернулся во двор, смотря на тех, которые учились,

и, как бы лелея их глазами, задумался, и так мы простояли молча минуты две. Кто знает, какие отметки делала его память, когда глаза перебегали по лицам… Нас обоих разбудил выстрел. С вала пустили бомбу по работавшим налево от Херсонеса. Мы проследили полет ее и взрыв. Бомба пролетала около трех верст. Судите, что же можно было разглядеть на таком расстоянии. Я искал кучки работавших, но ничего не мог найти и насилу увидел в трубу, потому что высовывались только головы. Я простился с Луговским и пошел на Александровскую батарею, которая считается 9-м номером и находится тут же, подле 7-й и 8-й. С ее стен я снова любовался морем. Капитан-лейтенант Козловский дал мне проводника-матроса, который провел меня по валу, показывая красивые ряды орудий, только что очищенных. На этой батарее в настоящее время больше нечего делать, как чистить орудия. Ей будет работа, если начнут бомбардировку с моря.

Я воротился домой, когда уже стемнело, и пошел к Шемякину, который меня давно звал и как-то особенно пришелся мне по душе; но ворота бастиона были заперты. Часовой свесил ружье и спросил отзыв. Я послал своего матроса узнать отзыв или привести ефрейтора, а сам сел у ворот на камень и стал смотреть в сторону засыпающего города. Было очень тихо. По горам горели огни. Через несколько минут я увидел поднявшуюся ракету, очень далеко, версты за четыре. Их пускали обыкновенно с возвышенности над Килен-балкой. Ракета летит так: вдруг освещается пло-

щадка, где ракета пущена, и потом видно по небу огненную полосу, не больше как четверть всего полета; дальше ракета уже летит впотьмах. Впрочем, бывают изредка случаи, что ракета весь полет совершает с огнем и все время видима. Вслед за первой взвилась еще. Я насчитал семь, пока воротился мой матрос. Иные падали где-то близко; слышно было свист, одна загремела по камням. На ту пору, не знаю почему, я испугался. Когда захлопывалась за мной калитка бастионных ворот, мне уже казалось, что ракета сейчас щелкнет меня по затылку. Мы прошли двором и потом спустились в траншеи. Слышалась перестрелка ложементов[17]. На темных валах темными тенями двигались часовые. Я не нашел Шемякина в блиндаже: он был в каземате. Надо было идти туда. На одной площадке между траншеями пуля ударила подле моей ноги. Бежал от ракет и чуть не попал под пулю! Может быть, и прав матрос, сказавши: «Которая наша, от нее не схоронишься!» – это игра в счастье и несчастие… На ту пору страх опять был от меня далеко. Мудреный инструмент человеческая душа: что ни миг – натягиваются невидимой рукой новые струны…

В каземате я нашел большое общество офицеров. Мне предложили превосходного хересу. Комендант, полковник Лидов, о котором я уже упоминал, рассказал мне о 24 октября. Колонны французов доходили до 6-го бастиона и были на возвышенности, между 6-м и 10-м. Их прогнали Минский полк и картечные выстрелы с 10-го номера. Около неде-

ли валялись не убранные трупы. Неприятель не убирал и не дозволял нам. Наконец их подобрали – и все-таки мы. Через шесть дней после дела один солдат принес изо рва раненого, нашего же рядового, который был еще жив.

Я пробыл в каземате часов до десяти. Утром 16-го подняли французы сильную стрельбу с новой батареи по 6-му бастиону и сбили у нас только три мешка, выстрелив 25 раз. С того же бастиона замечено движение неприятельских колонн от моря, в полной парадной форме и под музыку. Я подбежал взглянуть и захватил только хвост, спускавшийся в балку; вахтенный сказал мне, что было тысяч до пяти. Говорят, они делают нередко такие эволюции, чтобы занять нас чем-нибудь. Ночью отправятся на берег и утром идут в параде, как будто новые войска; а между тем где-нибудь у них становятся пушки.

После чаю я решился идти на 4-й бастион, как говорили, самый опасный. Я слыхал о нем еще в Кишиневе. Зорин дал мне в товарищи одного из своих адъютантов. Я чувствовал себя нехорошо и никак не мог рассеять тягостных мыслей. Мы прошли несколько улиц, почти пустых. Под конец, близко к бастиону, встретили дома, совершенно разрушенные бомбами. Местами торчали одни неправильные обломки стен; крыш не было. Эти дома могли служить самыми лучшими, естественными баррикадами. А в иных и нарочно были пробиты амбразуры. На мостовой и тротуарах валялись ядра и осколки гранат. Тут действительно чувству-

ешь осаду. В конце последней улицы идет площадка, на которой стоит католическая церковь, одно из крайних зданий к бастиону. Говорят, во время осады 5 октября *первое* ядро сбило надпись на этом храме – *Pax in terra. Первое* говорится для большего курьезу. Прямо за площадью виден театр, сильно пострадавший от выстрелов[8]. Затем начинается подъем в гору, довольно пологий. Здесь был когда-то бульвар; теперь нет и следа украшавших его деревьев. Крепкая дорога, место прежней бульварной дорожки, почти вся покрыта чугунными черепками и врывшимися ядрами. Взойдя на гору, мы спустились в траншею и тотчас услышали свист пуль. Так дошли мы до большого блиндажа, где помещается адмирал Новосильский с капитаном 1-го ранга Кутровым. Кутров вышел к нам навстречу. Его спокойная физиономия ободрила меня. В это время одна пуля ударила в блиндаж шагах в двух от нас и еще ближе от кучки матросов, стоявших тут же. Никто из них и не пошевелился, и кажется, я один видел эту пулю. Это меня совершенно успокоило. С той минуты до конца, часа два сряду, проведенные мною на 4-м бастионе, я уже не чувствовал ни малейшего страха. Мы пошли опять траншеями, втроем, с Кутровым. Выстрелы из пушек гремели беспрестанно. Ружейных было вовсе не слышно или слышно только временами, и то как звук пистонов.

– Вот на этом месте, в самой траншее, сегодня убило трех вдруг одной пулей, – сказал Кутров, – пуля прошла по голо-

---

[8] В «Севастопольском альбоме» рисунок № 26.

вам; и вот здесь еще одного!

Весело было слушать тем, кто переступал через это место! Траншеи были полны солдатами, которые сидели и лежали в самых беспечных положениях, конечно, не думая о пулях. Вскоре открылся бастион, несколько отличный от тех, которые я уже видел. Это была площадка, вся изрытая землянками, вся в буграх. Там и сям чернели отверстия – входы в блиндажи. Пороховой блиндаж возвышался надо всеми. Кругом на сделанной из земли насыпи в виде вала шли тесные земляные траверсы с наложенными на них мешками[9]. Штуцерные были в постоянном движении, подбегали, выстреливали, – и опять заряжался штуцер. Весь бастион представлял какое-то суетливое и вместе грозное кипение. Где-то бухали пушки; ясно было слышно гудение ядра. Кто стрелял? Мы? Они? Разобрать было трудно. Наши выстрелы сливались с выстрелами неприятеля, который таился тут же, за валом, всего в 60 саженях. Мне все как-то не верилось, что он так близко.

– Отсюда вы можете видеть неприятеля, – сказал мне капитан, подведя меня к одному орудию, укрытому щитами так плотно, что едва оставалась щель для глаза. – Но, пожалуйста, поосторожнее, – прибавил он, – учтивые французы здесь вовсе неучтивы!

Я поднялся на орудие и взглянул в щель между щитом и пушкой: желтел траншейный вал, лежали такие же мешки,

---

[9] В «Севастопольском альбоме» рисунок № 8.

как и у нас, местами выскакивал дымок без звука, как пыль с вала, – словом, то же, что я видел и с других бастионов, только яснее. Потом мы пошли дальше мимо траверсов. Вдруг осколок бомбы, разорвавшейся в неприятельских траншеях, прожужжал над нашими головами и упал в кучку работавших внутри бастиона.

– Вот как у нас, – сказал Кутров, – своим как раз убьет! – Что, никого? – крикнул он вниз.

– Никого! – отвечали оттуда.

– Ну, слава богу!

Такие случаи бывают нередко. Осколки бомб французских летят к ним назад. Следя за полетом осколка, я увидел между блиндажами в одной стороне бастиона образ на столбике под дощатым навесом. Перед ним теплилась неугасимая лампада… Я помолился. Невыразимо благодатно действует там молитва, и все бы молился – и за эту горсть храбрых, что всякую минуту

ложатся костьми, и за всех тех, отдаленных, скорбящих на всем великом пространстве Русской земли, и за всю православную Русь… Я не много помню таких минут…

Вскоре нас окружили офицеры, командующие орудиями, и стали ходить вместе с нами. Я пожелал снять часть бастиона с его любопытными курлыгами. Но вдруг пошел дождик. Услужливые и добрые моряки сейчас устроили надо мною навес из лубков. Явился стол и стул, и это подле гремящих орудий; но я не слыхал их грома. Через четверть часа при-

выкаешь к ним, и кажется, как будто не стреляют. Я срисовал два фаса, ближайшие к неприятелю.

Подле порохового блиндажа есть спуск в мину. Мне было разрешено спуститься. Мы пошли вдвоем с одним офицером, нагнувшись, сперва в полусвете, потом в совершенных потьмах. Когда слышно было, что кто-то идет навстречу, кричали: *держи налево* или *направо*, чтобы не столкнуться. Но было так узко, что всегда задевали друг друга. Наконец я устал и пополз на руках и коленях. Товарищ мой отделился от меня далеко, мне было слышно только его голос: *«Держи палево, направо!..»* Вдруг я почувствовал под руками воду; надо было опять встать. Мина шла уже и уже. Сперва я ощупывал по бокам доски и столбы, но потом все кончилось: пошел голый земляной коридор. Тягостное чувство испытывает непривычный человек под этими тесными сводами, что-то сдавливающее, удушающее. Мы дошли до того места мины, где наша галерея сошлась с неприятельскою. Тут зажжен фонарь и сидят на полу солдаты. Я видел неприятельские работы. Их мины немного шире; больше нет никакой разницы. Говорят, встретясь с нами, они бросили копать и ушли. Тут поставлена большая воронка с порохом и засыпана землей. Мы отдохнули и поворотили назад. Признаюсь, хотелось скорее вылезть из этого длинного гроба. В конце, уже близко к выходу, мой товарищ пригласил меня зайти к штабс-капитану Мельникову, заведующему минными работами, в его нишу, которая устроена тут же в мине. Из гроба мы очути-

лись в довольно порядочной комнате, увешанной коврами. Посреди стоял столик и кипел самовар. По стенам шли земляные диваны, тоже покрытые коврами. Подле одной стены была печь ростом в человека, не доходившая до потолка[10]. На ней сверху лежали разные тетради, бумаги, чертежи и – «*Мертвые души*». Куда не проникнет гений! Гоголь, где ты? Слышишь ли ты?

Хозяин и вместе создатель этой комнаты – молодой человек, украшенный Георгиевским крестом, называемый в шутку моряками *обер-крот,* – принял меня как давно невиданного брата и угостил чаем. Между тем я снял его подземное жилище.

И он вечно там – при огнях! Полковник Тотлебен бывает у него всякий день, обходит все галереи, все рукава. Мельников любит его как отца. Когда он говорил мне о нем, у него дрожал голос от невыразимого уважения и преданности к этому человеку. О, если бы написать историю этих бастионов, не вычеркивая ни одного дня, не стирая ни одной черты, сколько умиляющего, поучительного, исторгающего сладостнейшие слезы было бы на ее страницах!

Мельников вывел меня на свет другим путем. Мы очутились во рву, где было много работающих. Работы здесь тяжелы по причине каменистого грунта. Каждый вершок стоит больших усилий. Через ров над нами свистели пули и осколки бомб. Мельников говорил мне, что накануне у него убило

---

[10] В «Севастопольском альбоме» рисунок № 9.

во рву двух человек осколком нашей же бомбы. Я снял вход в мину, подле которого мы стояли. Мы расстались с Мельниковым как братья, и я не знаю, есть ли два русских человека, которые тут не сделаются братьями.

Меня повели траншеями и сказали, что адмиралу угодно меня видеть. Когда я вошел в его блиндаж – большую, просторную комнату, с длинным столом посредине, на котором лежали книги и журналы, – я увидел человека средних лет, высокого роста, с темными волосами, с привлекательным выражением лица, в сюртуке без эполет. Редко встречаемый известный белый крест украшал его шею. Сомнения не было: это был Новосильский[18]. Я представился… Вскоре в блиндаж вошло человек десять офицеров, в шинелях и морских черных пальто. Я провел с ними самые приятные полчаса. Адмирал, привыкший к своему блиндажу, как к дому, и давно забывший об опасностях, сказал мне простодушно:

– Заходите как-нибудь вечером, напьемся вместе чаю.

Он дал мне провожатого до дому, потому что уже стало смеркаться и я мог сбиться с дороги. Мы пошли траншеями. Навстречу нам, также траншеями, шли солдаты, свесив ружья, целый полк, в прикрытие на ночь. Они шли, не думая о встречных, и даже не глядели вперед. Я несколько раз отводил рукою штык, чтобы не наткнуться, но это мне скоро надоело; штыков впереди казалось бесконечно много, и я предпочел вылезть из траншей и идти по стороне, горою, подставляя себя неприятельским пулям, однако по мне не

стреляли. Вообще к вечеру прекращается перестрелка батарей, а идет перестрелка одних ложементов.

Прощай, славный 4-й бастион! Не знаю, увижу ли тебя еще раз, а если увижу – те ли меня встретят?..

Уже стемнело совсем, когда я отворил дверь в мою комнату у Зорина, где ждали моего возврата. Все знали, что я на 4-м бастионе. Собралась большая компания. Ахбауэр, только что воротившийся с работ, рассказывал случай в траншеях. Он шел позади двух солдат. Один, старый, все кланялся пулям, а шедший за ним молодой подтрунивал над ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.